

DOI: 10.17976/jpps/2019.01.02

ПРОЕКТ ДЛИНОЮ В ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА. ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗОВ ВЛАСТИ И ЛИДЕРОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ (1993-2018)

Е.Б. Шестопап

ШЕСТОПАЛ Елена Борисовна, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, email: shestop0505@rambler.ru

Шестопап Е.Б. Проект длиною в четверть века. Исследование образов власти и лидеров в постсоветской России (1993-2018). – Полис. Политические исследования. 2019. № 1. С. 9-20. <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>

Статья поступила в редакцию: 03.09.2018. Принята к печати: 03.10.2018

Аннотация. Статья представляет собой обобщение результатов исследования образов власти и политиков, которое проводится с 1993 г. Этот уникальный проект позволил получить большой массив эмпирических данных о состоянии политического сознания российского общества, которые представлены в новой книге “Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений. (1993-2018)” под редакцией автора, выходящей в издательстве “Весь Мир”. В статье, которая является журнальным вариантом Заключения книги, автор пытается приподняться над эмпирикой и найти ответы на ряд сложных теоретических вопросов, которые дебатуются в современной политической науке, такие как вопрос о характере и перспективах демократического транзита в России; проблема преодоления ценностного раскола постсоветского общества; важнейшие противоречия массового политического сознания. 25 лет включенных наблюдений позволили автору предложить свою трактовку теории политического восприятия, апробировать авторскую методологию анализа политического сознания и показать возможные векторы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: теория политического восприятия, власть, лидеры, массовое сознание, российское общество.

До сих пор большинство научных публикаций по постсоветской политической трансформации России сфокусированы на структурных изменениях в социальной и экономической сферах общества, в государственном устройстве, в режиме и институтах (см. например [Красное или белое... 1992; Федоров 2010; Горшков 2011; Россия реформирующаяся... 2012]). О том же, что произошло за эти годы в психологии людей – об изменениях в настроениях, мотивах, представлениях и ценностях под воздействием политической среды, – написано значительно меньше.

Этот пробел с 1993 г. стремится восполнить исследовательский коллектив, сложившийся вокруг кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова в рамках уникального проекта по исследованию образов власти и лидеров в постсоветской России (см. например [Шестопап 2004, 2008, 2018; Психология политического восприятия... 2012; Путин 3.0... 2015]). Основным объектом наблюдений выступают политические образы, однако это и исследование образа власти как таковой, ведь власть, ее мифы и символы традиционно занимают важнейшее место в российском массовом сознании.

ТРИ РАКУРСА ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Чем же были эти годы с точки зрения политического психолога? Что мы узнали о нашем обществе, его власти и лидерах через те образы, которые мы фиксировали в сознании граждан на протяжении всего постсоветского периода? Хотя собранный материал многое прояснил, возник целый ряд новых вопросов, прежде всего концептуального характера.

Во-первых, что из себя представляла трансформация? Действительно ли эта четверть века была переходом от авторитарного правления к демократическому?

Во-вторых, как и по каким траекториям проходил психологический процесс трансформации российского общества и как она сказалась на его разных стратах? Завершен ли этот процесс?

В-третьих, как произошла трансформация политического сознания населения – другими словами, как коммунисты превратились в либералов и монархистов, консерваторов и анархистов?

В поиске ответов на эти вопросы мы выберем три линии размышления в соответствии с теоретической моделью исследования: это изменения самой политической реальности (власти, лидеров, институтов), которая служит фоном и *контекстом* восприятия; трансформация *психологического состояния* общества или политической оптики и, наконец, динамика нашего *теоретического видения* проблемы.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА: НА ПОВЕРХНОСТИ И В ГЛУБИНЕ

Наблюдая за большой рекой, можно увидеть, что течения на поверхности и в глубине иногда разнонаправлены, имеют разную температуру и скорость. Но при этом ток воды в русле все равно остается общим. Это во многом похоже на процесс политической трансформации в нашей стране в постсоветский период: события происходят как бы на разных уровнях, а их смыслы далеко не всегда соответствуют декларациям и намерениям власти.

Если на поверхности в первое десятилетие новой российской истории шел процесс строительства новых демократических институтов, то в глубине протекало иное течение – поворот в сторону от вековой традиции укрепления российской государственности. Нельзя сказать, что в стране не шли процессы демократизации, но выглядели они в глазах людей не слишком убедительно на фоне расстрела Белого дома, войны в Чечне и разгула регионализации, грозившей дальнейшим распадом страны.

Попробуем посмотреть на этот поток на примере конкретных событий и изменений институционального дизайна политической системы. В каждом из трех десятилетий постсоветской истории России происходили существенные сдвиги в политическом устройстве.

Первый период (1991-2000 гг.) озаменован самыми кардинальными переменами и в устройстве власти, и в образе жизни людей. Это десятилетие, в свою очередь, распадается на ряд этапов. Первый из них (1991-1993 гг.) отличала чрезвычайно резкая смена событий, которая привела к существенной дезадаптации населения к этим переменам, и высокая гражданская активность. С 1993 по 1996 гг. демократические ценности были усвоены прежде всего молодыми людьми до 25 лет, вначале на уровне риторики; большинство же людей зрелого возраста мучительно и сложно переучивались.

Второй временной отрезок охватывает 1993-1996 гг. Ключевым событием этих лет стали президентские выборы 1996 г., показавшие, что общество в целом настолько прочно приняло демократические процедуры, что при всей критике власти уже не представляло жизнь вне этих норм¹. Обратной стороной стало снижение политической активности в поствыборный период, как реакция на знакомство с “грязными” предвыборными технологиями.

Третий этап (1996-2000 гг.) начался сразу после президентских выборов 1996 г. и завершился выборами 2000 г. К этому времени население окончательно разуверилось в первом российском президенте, чему немало способствовали экономический кризис 1998 г. и кризис политический: центральная власть теряла рычаги управления регионами, обострялась внутривластная борьба, на головы избирателей в 1999 г. обрушились нескончаемые потоки “грязных” технологий. Б. Ельцин слабел и болел. Руководство страны лихорадочно искало выход из патовой ситуации и нашло его в лице преемника, который должен был гарантировать Ельцину и Семье безопасность, уберечь страну от сползания в хаос и обеспечить сохранность государства. Эта роль выпала В.В. Путину.

В обществе к тому моменту оформился запрос на политика нового типа, который был бы максимально не похож на Ельцина. В.В. Путин стал ответом на те ожидания, которые сложились в массовом сознании.

Представляется, что наиболее важными факторами, повлиявшими на восприятие на всех трех этапах 1990-х годов, стали шоковая терапия Гайдара и реальная угроза распада страны в результате парада региональных суверенитетов. Сильным ударом для старших поколений стала потеря смысла прожитых лет, ведь ценности, ради которых они жили и трудились, были объявлены элитой ложными. На их место пришли “прогрессивные” ценности западной демократии, которые трактовались прежде всего как потребительские и меркантильные.

Было бы неверным, однако, описывая события 1990-х, рисовать их исключительно черной краской. Жизнь оказалась намного многообразнее, и параллельно с ужасными разрушениями в 1990-е началось становление новых форм политической жизни. В 1993 г. на всенародном референдуме была принята новая Конституция, закрепившая такие демократические нормы, как политическое и идеологическое многообразие, разделение властей, право граждан участвовать в выборах и референдумах и т.д. В стране появилась публичная политика и политики.

Второй период включает в себя первые два срока президентства Путина (2000-2008 гг.). Избирательная кампания 2000 г. во многом была уникальной для России. Впервые власть передавалась в рамках правовых процедур и с согласия первого лица, что обеспечило устойчивость государственного механизма. Начало нового электорального цикла показало, что власть услышала общество, и оно впервые в постсоветский период восприняло власть и нового лидера положительно.

В этот критический для российской государственности момент российская политическая история вновь обнаруживает свою двойственную природу. На поверхности картина выглядит так: Путина привела к президентскому креслу Семья, которая манипулировала больным и слабым Ельциным. Но все оказы-

¹ Это особенно хорошо было видно в резко негативной реакции общественного мнения на идею Коржакова и других близких к Ельцину лиц, предлагавших отменить выборы 1996 г.

ваются куда сложнее: именно общество, народ выбрали его на этот пост, увидев в нем анти-Ельцина. Народ оказался куда более проницательным, чем олигархи, рассчитывавшие, что смогут контролировать Путина, как они контролировали Ельцина. Но Путин сумел уже к концу своего первого президентского срока избавиться в целом от опеки Семьи и начать выстраивать свою модель власти, выиграв сложную внутривластную партию. Внешне это выглядит как возврат к традиционно жесткой вертикали единоличного правления. Но именно возврат к глубинным корням нашей политической культуры и способность Путина улавливать сигналы, идущие от общества, позволили ему начать движение по пути демократизации, которую декларировал его предшественник.

Для 2000-х годов было характерно стремление и общества, и элит к установлению политической стабильности. У людей еще живы были в памяти картины “лихих 90-х”, поэтому в свой первый президентский срок Путин получил невиданную поддержку как политик, который принес спокойствие и стабильность. Но именно в эти годы Путин, выступая в личном качестве как анти-Ельцин, фактически продолжил ельцинский курс либеральных реформ. После переизбрания в 2004 г. он уже почувствовал реакцию людей на эти реформы. Они обернулись снижением не столько его личной популярности (хотя падение его рейтингов во втором сроке имело место), сколько популярности региональной власти и правящей партии “Единая Россия”.

В ответ на эти негативные тренды власть начала активно развивать крупные национальные проекты, в которых важна была прежде всего демонстрация способности государства мобилизовать общество и ресурсы на крупные цели. Начиная со второго срока, Путин стал решать сложнейшую стратегическую задачу: возвращения нации веры в себя, возвращения России к своему традиционному пути, к осознанию национальных интересов. В начале 2000-х в направлении этой цели были сделаны первые шаги, чему способствовала благоприятная экономическая конъюнктура. Но это вызвало и у оппозиции внутри страны, и особенно у наших зарубежных “партнеров”, энергичное сопротивление, результаты чего президент почувствовал довольно быстро.

Второе президентство Путина было отмечено еще одной важной особенностью: ему пришлось всерьез заняться внешней политикой. Этот смысловой разворот был зафиксирован знаменитой Мюнхенской речью 2007 г., в которой он впервые с предельной ясностью показал решимость остановить отступление России, начатое еще при Горбачеве и Ельцине, и защитить интересы страны всеми доступными способами.

Третий период включил два президентства – Медведева (2008-2012 гг.) и третий срок Путина (2012-2018 гг.). Их объединяют сходные тенденции, связанные с нарастанием кризисных явлений. Этот период был отмечен во внутренней политике: окончанием одного электорального цикла и началом нового, серией выборов разного уровня, появлением новых лиц на политической сцене при сохранении позиций “старыми” лидерами. В эти годы произошли события, которые изменили и внешнеполитический ландшафт, и всю политическую повестку дня: возвращение Крыма, конфликт на Украине, операция в Сирии, обострение отношений с западными странами.

Политическое развитие России в 2010-е годы проходило крайне неравномерно. Президентство Медведева было отмечено таким странным типом лидерства, как тандемократия, показавшим, что в России личности политиков

более значимы, чем их формальные политические роли: рокировка президента и премьера, произошедшая в начале президентства Медведева, не превратила последнего в самого влиятельного политика, коим оставался Путин. Эти события вызвали серьезные противоречия во *внутриполитическом развитии* в конце президентства Медведева, открывшие полосу политической нестабильности 2011-2012 гг.

Первые годы третьего срока Путина сняли напряжение в отношениях власти и оппозиции. Формально власть пошла навстречу оппозиции, облегчив процедуры регистрации политических партий. Но это не помогло оппозиции, и она оказалась смещена на периферию политической жизни.

Начиная с конца 2012 – начала 2013 гг., все большую роль в восприятии власти и лидеров начинают играть *внешние факторы*, прежде всего события на Украине и присоединение Крыма к России в начале 2014 г. Они обозначили решительный поворот страны к своим корням, к тем ценностям, которые соединили разные пласты отечественной истории и вызвали невиданный ранее в постсоветской России подъем патриотизма в обществе и его консолидацию вокруг национального лидера.

Может показаться, что набор этих событий случаен и не подчиняется какой-либо политической логике. Но если посмотреть на изменения контекста в масштабе почти трех постсоветских десятилетий, то они укладываются в достаточно четкую схему: разрушение и утрата национальных интересов в 1990-х – начало возвращения к своей национальной “норме” в конце 2000-х – и резкий разворот страны к своим политическим и социально-культурным традициям в 2010-х годах.

В то же время реальная логика трансформации, конечно же, куда сложнее, чем в любой теоретической модели. За периодами политической нестабильности следовали периоды консолидации, но они тоже приходили не навсегда. Яркими примерами стали невероятный взрыв патриотизма и консолидации общества вокруг лидера сразу после присоединения Крыма. Но вслед за ним возник посткрымский синдром. Схожие волны были и после президентских выборов весной 2018 г., на которых Путин получил высочайшую поддержку, но уже летом 2018 г. возникли протестные выступления в связи с пенсионной реформой. Такая быстрая смена массовых настроений говорит о психологической волатильности общества.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОПТИКИ

Оценивая ситуацию в политическом сознании российского общества по итогам четвертьвекового развития, можно констатировать, что это сознание до сих пор остается запутанным и противоречивым. Его внутренняя иррациональность показывает, что об адаптации общества к новым реалиям пока говорить рано.

Ельцинский период (1990-е годы). Упомянутая выше двойственность российского политического процесса проявилась и в отношении психологического состояния людей. В 1990-х оно отличалось разорванностью и неустойчивостью состояний, быстрой сменой политических настроений и симпатий, особенно заметной в отношении лидеров. Ельцин, который пользовался огромной популярностью в конце 1980-х – начале 1990-х, к 1996 г. утратил какую бы то ни было поддержку в обществе, имея накануне выборов рейтинг в 4%. Тем

не менее в 1996 г. его все-таки выбрали, и не следует списывать все только на грязные технологии: выбрали сами граждане, сменив гнев на милость.

Если в первые постсоветские годы наблюдался энтузиазм в отношении не только лично Ельцина, но и предложенных им демократических реформ, сопровождавшийся политическим активизмом и поддержкой власти, то уже к 1993 г. они сменились разочарованием. А после выборов 1996 г., на которых было использовано рекордное количество грязных технологий, начался резкий рост апатии, политического цинизма и абсентеизма.

Ельцинское десятилетие продемонстрировало еще один психологический феномен. В этот период мы наблюдали большое *расхождение между рациональными и неосознаваемыми уровнями восприятия*. Подобный раскол образов изнутри был сродни шизофреническому раздвоению личности: симпатизировали одним, доверяли другим, а голосовали за третьих лидеров потому, что устойчивых, рациональных установок, мнений о политиках, политике, власти в российском обществе не было.

Практически все образы и власти, и отдельных политиков того времени были внутренне противоречивы. Жириновский, за которого охотно голосовали, на рациональном уровне в опросах выглядел отнюдь не привлекательно, а, скажем, Явлинский или Гайдар, которых в ответах на прямые вопросы респонденты характеризовали исключительно позитивно, набирали все меньше голосов. Несовпадение рациональных и бессознательных аспектов образов во многом было связано с сильной разбалансированностью массового сознания: официальные новые нормы и ценности расходились с глубинными представлениями людей о должном, об идеальных политиках и власти, коренящимися в традициях отечественной политической культуры. Очевидно, этот раскол — отражение слишком большого расхождения глубинных потоков национальной истории и заимствований из чужого опыта, традиционной политической культуры и модернизаторских усилий власти. Граждане на бессознательном уровне чувствовали это несоответствие и сопротивлялись предлагаемым реформам.

Большая часть населения ощущала себя обманутой властью и пыталась держаться от политики подальше. В начале 1990-х поколения, выросшие на советском патернализме, еще ожидали от власти заботы и защиты. Помнится, как один из наших респондентов сравнил тогда власть с матерью-пьяницей: и бросить ее нельзя, и жить с ней невозможно. Но в течение первого постсоветского десятилетия общество все же начало учиться жить самостоятельно, не полагаясь на государство².

Неудивительно, что дистанцирование граждан от власти в ельцинскую эпоху сказалось и на политической оптике. В образах власти содержалось множество стереотипных, упрощенных представлений. Размытость формулировок в ответах на наши вопросы свидетельствовала об отсутствии в сознании граждан четкой картины того, чем для них была ельцинская власть. На протяжении всего первого постсоветского десятилетия в сознании граждан происходила своеобразная настройка политической оптики, образ власти менялся от совершенно нечеткого к несколько более точному и адекватному.

² Как показали наши исследования 2000 и 2010-х годов, окончательного избавления от патернализма так и не произошло, да и вряд ли произойдет. Это представление людей о некоем контракте между властью и обществом имеет очень глубокие культурные корни и относится к немногим константам, прошедшим через всю многовековую историю России.

Первые два президентства Путина (2000-2008 гг.). Образы власти и лидеров этого периода отражают переходное состояние, в котором пребывала российская политическая система. Массовое сознание стало ареной столкновений разнонаправленных тенденций: стремления к модернизации и сохранению традиций, ориентации на интеграцию в мировое сообщество и потребности в отстаивании самобытного пути развития, стремления к свободе активных граждан и поддержания порядка как гарантии стабильного развития.

Содержание политических образов раннего путинского периода определялось тремя важнейшими трендами. Первый – это унаследованные от предыдущего десятилетия положительные установки в отношении реформ и демократии. Ценности свободы и демократии, которые были заложены в официальный властный дискурс 1990-х, были усвоены населением, особенно молодыми его когортами. Но важно отметить, что ценности демократии 2000-х трансформировались из либерального в консервативный формат, причем в самых разных, порой трудно сочетаемых вариантах: от монархических до советских. То, что в 1990-е казалось инерцией, архаичным остатком советской эпохи, презрительно названным “совком”, в 2000-е годы предстало в качестве нового фокуса консолидации российского общества. Второй тренд основан на контрасте раннепутинского правления с образом “лихих девяностых”. Третий тренд связан с постепенным возвращением страны к отстаиванию национальных интересов, что работало на восстановление уровня самооценки постсоветского общества, рухнувшего в начале постсоветского периода и породившего чудовищный комплекс национальной “неполноценности”.

Таким образом и на этом этапе та двойственность, которая наблюдалась в предыдущем периоде, дает о себе знать. На поверхности массового сознания мы фиксируем в политическом дискурсе те же концепты, что и в 1990-е: демократия, свобода, модернизация и т.п. А из глубины вековой политической культуры уже выплывают традиционные государство-центрические представления о великодержавности, национальной независимости и понимание, что лучшие друзья России – это армия и флот.

Можно констатировать, что к концу второго президентского срока Путина либеральный проект в истории современной России завершился. На смену ему подходил консервативный проект с доминированием традиционных систем представлений, ценностей, образов в массовом сознании, который в полной мере осуществился на этапе третьего путинского президентства.

Современная Россия (2008-2018 гг.). Последний по времени этап трансформации политической оптики российских граждан выделяется на общем фоне постсоветского развития. Если предыдущий был завершением начатых Ельциным либеральных реформ, то этап, длящийся уже 10 лет, можно считать возвращением России к самой себе. Образы власти и лидеров демонстрируют это через те оценки, которые утвердились в сознании граждан. В содержательном плане прояснились и закрепились многие представления граждан. Можно сказать, что политическая оптика в целом достигла определенной степени оценочной устойчивости, несмотря на довольно резкие выражения в 2011-2012 гг.

Вернулись положительные оценки власти советского периода. Росла и оценка действующей власти, чего не наблюдалось раньше, кроме, может быть, первого срока президента Путина. Прочно держится на протяжении

всех постсоветских лет резко негативное отношение к ельцинским 1990-м. Сказанное не означает, что общество во всем прояснило свое прошлое и определилось с образом желаемого будущего. Нет ясности по многим вопросам, будь то отношение к революции 1917 г., роли Сталина или стратегии развития страны на перспективу. Но ответы на главные вопросы, которые страна мучительно искала всю четверть века, в целом найдены. Это вопросы: кто мы как нация? Какое место мы должны занимать в мире? Как нам относиться к другим странам и как они относятся к нам? Можем ли мы ставить большие задачи, как это положено великой державе, и решать их? Все эти и другие экзистенциальные вопросы получили практически единодушную трактовку в обществе. После 2014 г. эти трудноразрешимые загадки стали вдруг понятными и простыми.

Это не означает, что страна отказалась от всех представлений, наработанных в предыдущие годы. Напротив, мы заметили, что граждане, вернувшиеся к своим традиционным, сформированным веками российской истории представлениям, не отвергли полностью и то, что осваивали последние четверть века периода открытости. Напротив, они твердо усвоили ряд уроков демократии. Это касается обязательности выборов, уважения к закону, к правам человека и к свободам личности и многому другому, привнесенному в нашу политику в 1990–2000-е годы.

Но есть еще один урок, усвоенный россиянами. В обществе наступило отрезвление в отношении Запада и других “партнеров”, которые в последние годы явственно продемонстрировали свое отношение к России. Утвердилось понимание того, что для реализации демократических ценностей необходимо сохранение независимости страны, что возможно лишь при сильном государстве. И трактовать это как авторитарный выбор было бы принципиально неверно: это для нас — просто условие выживания. Мы возвращаемся к метафоре параллельных течений: то, что кажется на поверхности возвратом к советскому тоталитаризму, в глубине является движением в сторону демократии.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ВИДЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ВОСПРИЯТИЯ

В ходе наших исследований не оставалась неизменной и та теоретическая база, которая служила основанием для интерпретации полученных результатов. Прежде всего это относится к теории политического восприятия, которая получила мощное развитие в прошедший период. Она возникла как ответ на резкое изменение самого характера современной политики, которая во всем мире подверглась существенной виртуализации, что кардинально меняло и механизмы восприятия образов власти и лидеров. Эта теория с самого начала имела дело с новой реальностью. Проект привел нас к следующим выводам.

Первое, что обнаружилось при изучении образов в начале постсоветского периода, это удивительное несовпадение во времени образов, с одной стороны, и той реальности, которую они отражают — с другой. Политическая оптика то отставала от этих реалий, то опережала их. Граждане то не замечали очевидного, то, напротив, демонстрировали невероятную проницательность. Указанный феномен мешает установить связь между восприятием политики и политическим поведением наших респондентов. А для установления этой связи надо было встроить разрозненные данные в единую теоретическую модель [Психология политического восприятия... 2012, гл. 1]. В ней мы выде-

лили несколько ключевых факторов, под воздействием которых формируется видение власти, лидеров и других политических объектов.

Оказалось, что разработанная нами система факторов не функционирует как формальная матрица: на разных этапах политического развития страны факторы имели разный вес, менялась и их иерархия.

Возьмем, к примеру, *объектный фактор*. В нем мы выделили ситуативные, изменчивые факторы, с одной стороны, и устойчивые факторы политической культуры – с другой. Так, в 1990-е в нашей стране огромную роль играли *ситуативные факторы*, определявшие стремительные изменения в обществе и затруднявшие формирование устойчивых и четких образов и власти, и политиков. А вот нулевые заново открыли потенциал *традиционных ценностей*. Смысловое наполнение образов власти основывалось на концепте “стабильности”. В 2010-е годы в массовом сознании существенную роль сыграли именно политико-культурные паттерны, “всплывшие” из неосознаваемых пластов психики и вернувшие российскому обществу его идентичность.

Субъектный фактор включает в себя психологические и социально-демографические особенности воспринимающих. Последние (поколенческий или возрастной фактор) мощно сработали в 2010 г., показав неожиданный рост ценности активизма. Мы это обнаружили почти случайно и даже пересчитали полученные результаты. Дело в том, что на протяжении всех предыдущих лет эта ценность занимала одно из последних мест среди других ценностей демократии. Выяснилось, что как-то незаметно подросло поколение тех, кто родился уже в постсоветской России, и в ходе первичной социализации усвоил демократические ценности, включая активизм как норму гражданского поведения. Именно это поколение через год вышло на Болотную площадь, продемонстрировав активизм на уровне поведения. Представляется, что сам смысл этой ценности демократии в нашем случае не был однозначно позитивен для развития страны, он содержал в себе определенный разрушительный потенциал. И если в 2011 г. этот потенциал не привел в России к катастрофическим последствиям, то пример Майдана показывает, что такое развитие событий было вполне возможно и у нас. Видимо, активизм может проявить свой позитивный потенциал лишь в совокупности с развитием таких свойств демократического сознания, как ответственность, уважение к закону и самостоятельность политического мышления, которые сами собой не возникают. Они формируются только в процессе серьезных и систематических усилий со стороны государства, политических партий и других институтов социализации. Между тем, разрушив советскую систему политического воспитания и образования, мы так и не построили новую. И эту систему невозможно заменить хаотическими, непродуманными и разрозненными мерами по созданию новых учебников истории и литературы, которые предлагает власть.

Коммуникативный фактор всегда имел большое значение в процессе формирования образов. СМИ опосредовали восприятие власти и лидеров и в 1990-е, и в раннепутинский период, и в последнее десятилетие. Но влияние это было совершенно разным. Если в 1990-е газеты и журналы все еще играли значимую роль в формировании мнений и образов, то с 2000-х годов печатные СМИ существенно утратили свой вес и значение для аудитории.

Телевидение уже в ельцинскую эпоху заняло центральное место как фактор формирования образов власти и политиков. Когда политики осознали,

что именно телевидение — это ключ к власти, то олигархи, поддержавшие Ельцина, завладели всеми основными каналами, получив огромную власть над умами людей.

В середине 2000-х произошла очередная коммуникативная революция. Телевидение, оказавшееся в руках власти и олигархов, осталось им подконтрольным, зато появилась территория, свободная от цензуры и ручного управления со стороны власти имущих — интернет. Этим стала активно пользоваться оппозиция. Более того, произошло серьезное расслоение общества на “общество телевизора” и “общество интернета”, причем последнее на протяжении последних 10-15 лет включило в себя практически все молодое поколение страны, может быть, за исключением совсем отдаленных районов. Сегодня интернет уже не территория свободы, но это пока еще не площадка, на которой разные политические акторы построены по законам оруэлловского Министерства правды.

В теории политического восприятия назрели новые вопросы, на которые предстоит ответить следующему поколению исследователей. Ответы же на вопросы, которые мы задали в начале этой статьи, сводятся к следующему:

Первый вопрос касался смысла процессов трансформации. Мы убедились в том, что эти четверть века были не столько переходом от авторитарного правления к демократическому, сколько процессом утраты в конце 1980-х — начале 1990-х годов, а затем постепенного восстановления национальной идентичности. Это история в российском ее варианте, — скорее не про демократию, а про национальную идею и интерес.

Второй вопрос был обусловлен психологическим ракурсом трансформации. Мы полагаем, что он свелся к тотальной политической ресоциализации всех старших возрастных когорт, тогда как молодые поколения, выросшие в постсоветский период, и прежде всего так называемые путинэйджеры, не знающие никого из политических лидеров, кроме Путина, в целом вполне успешно освоили репертуар демократических представлений и ценностей. Правда, у этих поколений наблюдается серьезный зазор между ценностями, усвоенными на вербальном уровне, и реальными политическими практиками. Как показывает опыт последних лет, эти молодые граждане, действующие чаще всего в виртуальном политическом пространстве, ничуть не менее подвержены манипуляции — изменились лишь ее формы. В целом адаптация нашего общества к новой политической и экономической реальности постсоветского времени состоялась, и хотя она не завершена, мы далеко ушли от психологического состояния позднесоветского периода. Результатом этой трансформации стал смешанный тип политического сознания нашего общества, в котором модернистские идеи и ценности западной демократии уживаются и сосуществуют с глубинными историческими традициями. Усвоение заимствованных политических схем происходит ровно до тех пор и в той мере, в какой они не разрушают самобытную идентичность нации. В тех же случаях, когда власть в попытках реформирования “гнет народ через колено”, он ведет себя как ванька-встанька: он вроде уже совсем лежал, но через мгновение тут же встает.

Третий вопрос касался содержания переделки политического сознания населения и изменения политических ценностей граждан. Мы убедились в том, что процесс этот имел и имеет нелинейный характер. Для большинства рядовых граждан он свелся к простой адаптации к официальным политическим

ценностям, предложенным властью. Что касается элиты, то она не столько конформистски встроилась в новую систему ценностей (хотя и это имело место), но и активно использовала ее в своих интересах. При этом элита не выполнила возложенную на нее миссию выработки для всего общества новой стратегии продвижения к будущему, отсюда крайняя противоречивость массового политического сознания.

Наконец, мы искали способ периодизации процессов трансформации политического сознания. Мы пошли простым путем, разделив этот процесс на десятилетия. При этом возникла лишь одна проблема с отнесением президентства Медведева либо ко второму, либо к третьему этапу. С одной стороны, его “идеологический” смысл, несомненно, больше связан с либеральными ельцинскими задумками, поэтому его более логично было бы вписать в переходный второй этап. С другой стороны, именно в эти годы Путин готовил тот разворот в сторону глубинных национальных традиций и интересов, который совпал с его третьим сроком. Поэтому мы отнесли не только третий срок Путина, но и все это десятилетие к третьему этапу.

Это грубое деление тем не менее вписывается в ту схему анализа, где смысл трансформации постсоветского общества подчиняется двум разнонаправленным трендам: с одной стороны, это усвоение массовым сознанием заимствованных на Западе политических ценностей, образа жизни и культурных образцов, а с другой — поиск своих корней, сохранение самобытности и традиций. Очевидно, что в современном глобальном мире оба эти тренда неизбежно вступают в конфликт, но для России — сохранение самобытности является условием выживания — и как для страны, и как для нации, и как для государства.

DOI: [10.17976/jpps/2019.01.02](https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02)

QUARTER-CENTURY-LONG PROJECT: STUDY OF THE IMAGES OF AUTHORITIES AND LEADERS IN POST-SOVIET RUSSIA (1993-2018)

E.B. Shestopal¹

¹*M.V. Lomonosov Moscow State University. Moscow, Russia*

SHESTOPAL, Elena Borisovna, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Head of Sociology and Psychology Chair of Politics, Faculty of Political Science, M.V. Lomonosov Moscow State University, email: shestop0505@rambler.ru

Shestopal E.B. Quarter-Century-Long Project: Study of the Images of Authorities and Leaders in Post-Soviet Russia (1993-2018). — Polis. Political Studies. 2019. No. 1. P. 9-20. (In Russ.) <https://doi.org/10.17976/jpps/2019.01.02>

Received: 03.09.2018. Accepted: 03.10.2018

Abstract. The article is a summary of the results of the study of images of power and politicians carried out since 1993. This unique project provided a vast array of empirical data on the state of political consciousness of Russian society, presented in the new book “Power and Leaders in Perceptions of Russian Citizens. A quarter century of observations. (1993-2018)”. In the article, which is a journal version of the Conclusion of the book, the author tries to rise above empiricism and find answers to a number of complex theoretical questions that are debated in modern political science, such as the nature and prospects of democratic transit in Russia; the problem of overcoming the value split of post-Soviet society; most important contradictions of the mass political consciousness. 25 years of participatory observations allowed the author to offer her own interpretation of the theory of political perception, test the author’s methodology of analyzing political consciousness and show possible vectors for its further development.

Keywords: theory of political perception, authority, leaders, mass consciousness, Russian society.

References

Fedorov V.V. 2010. *Russkii vybor. Vvedenie v teoriyu elektoral'nogo povedeniya rossiyan* [Russian Choice. Introduction to the Theory of Electoral Behavior of Russians]. Moscow: Praxis. (In Russ.)

Gorshkov M.K. 2011. Reforms in the Mirror of Public Opinion. – *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. No. 10. P. 3-11. (In Russ.)

Krasnoe ili beloe? Drama avgusta – 91: fakty, gipotezy, stolknovenie mnenii. Pod obshch. red. M.K. Gorshkova, V.V. Zhuravleva [Red or White? the Drama of August 1991: Facts, Hypotheses, Clash of Opinions. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Zhuravlev]. 1992. Moscow: TERRA. (In Russ.)

Psikhologiya politicheskogo vospriyatiya v sovremennoi Rossii. Pod red. E.B. Shestopal [Psychology of Political Perception in Modern Russia. Ed. by E.B. Shestopal]. 2012. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Putin 3.0.: obshchestvo i vlast' v noveishei istorii Rossii. Pod red. E.B. Shestopal [Putin 3.0: Society and Power in the Modern History of Russia. Ed. by E.B. Shestopal]. 2015. Moscow: ARGAMAK-MEDIA. (In Russ.)

Rossiya reformiruyushchayasya. Vyp. 11: Ezhegodnik. Otv. red. M.K. Gorshkov [Russia Reforming. Vol. 11. Yearbook. Ed. by M.K. Gorshkov]. 2012. Moscow: Novyi khronograf. (In Russ.)

Shestopal E.B. 2004. *Obrazy vlasti v post-sovetskoj Rossii* [Images of Power in Post-Soviet Russia]. Moscow: Aletheia. (In Russ.)

Shestopal E.B. 2008. *Obrazy rossiiskoi vlasti. Ot El'tsina do Putina* [Images of the Russian Authority. From Yeltsin to Putin]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Shestopal E.B. 2018. *Vlast' i lidery v vospriyatii rossiiskikh grazhdan. Chetvert' veka nablyudenii (1993-2018)* [Power and Leaders in the Perception of Russian Citizens. a Quarter Century of Observations (1993-2018)]. Moscow: Ves Mir Publishers. (In Russ.)

Литература на русском языке

Горшков М.К. 2011. Реформы в зеркале общественного мнения. – *Социологические исследования*. № 10. С. 3-11.

Красное или белое? Драма августа – 91: факты, гипотезы, столкновение мнений. 1992. Под общ. ред. М.К. Горшкова, В.В. Журавлева. М.: ТЕРРА.

Психология политического восприятия в современной России. 2012. Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: РОССПЭН.

Путин 3.0.: общество и власть в новейшей истории России. 2015. Под ред. Е.Б. Шестопа. М.: АРГАМАК-МЕДИА.

Россия реформирующаяся. 2012. Вып. 11: Ежегодник. Оtv. ред. М.К. Горшков. М.: Новый хронограф. Федоров В.В. 2010. *Русский выбор. Введение в теорию электорального поведения россиян*. М.: Праксис. Шестопа. Е.Б. 2004. *Образы власти в постсоветской России*. М.: Алетейя.

Шестопа. Е.Б. 2008. *Образы российской власти. От Ельцина до Путина*. М.: РОССПЭН.

Шестопа. Е.Б. 2018. *Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993-2018)*. М.: Весь Мир.